

ЛЯМАН БАГИРОВА

О ЧЁМ ПОМНИТ ОСЕНЬ?

У нее много эпитетов. «Тихая», «золотая», «пушкинская», «печальная» «спокойная», «хмурая», «серая». На мой взгляд, самое изысканное и верное определение ей – «задумчивая». Это прекрасное свойство человеческой души – умение задумываться. Оно именно душевное, ибо умение думать – скорее от ума, от духовности. А задумчивость, та самая, в которой «душа стесняется лирическим волнением», – предтеча творчеству, подступы к нему.

Бакинская осень непредсказуема, приходит, как кошка, гуляющая сама по себе. То до середины октября солнечно и даже жарко, то уже в начале сентября куксится и плачет небо. Но, если быть примерно точной, осень в Баку утверждается в октябре. В это время уже можно надышаться пряным осенним воздухом, терпким, родным. Посидеть немного в скверике Сабира, что у Крепостной стены. И ощутить острую нежную тоску, подступающую к сердцу. Не *«сиротство как блаженство»*, а *«великую кротость, разлитую в предвечерье»*. И задумчивую умиротворенность природы. В ее тихой ласке нежится душа и исцеляется любое горе.

Вспомнить, как маленькой бегала в этом скверике, а папа махал мне рукой из окна своего кабинета в здании Президиума Академии наук. Вспомнить, как с бабушкой играла в прятки под чинарами скверика. Эти чинары пережили и бабушку, и маму, переживут и нас. И так же мягким оранжевым светом будут мерцать на осеннем солнце. И бронзовый Сабир все так же будет сидеть на своем мраморном постаменте, сгорбив усталую спину. Поразительно, ведь он прожил только 49 лет. А каким старцем выглядит в памятнике. Да и на фото. Впрочем, тогда старели рано. Чехов на последних фотографиях и хрестоматийном портрете выглядит чуть ли не 70-летним, а было ему всего 44...

А еще унести мыслями совсем в другую осень, в другой город, близкий моему сердцу. Ощутить его сдержанную душевность и чеканную поступь. Величественный Санкт-Петербург. *«Он к себе суров и к жителям своим, /Он не злой, но так уставший от мессий»*.

И вспомнить влюбленного в него сумрачного поэта-пророка. Вспомнить еще раз...

Александр Блок. Человек, родившийся под самый конец осени. Уже не золотой и задумчивой, а суровой и мгливой.

Его слава не знала границ. Где бы он ни выступал, его слушали, затаив дыхание, как волшебную печальную птицу. Его по праву называли королем Серебряного века. Его стихи завораживали, околдовывали. Читатели даже не вникали в смысл, их зачаровывала сама музыка блоковских строк.

**И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.**

Достаточно было только произнести эти слова, как сердце пленялось музыкой гобоя, звучащей в восьми «а»: одна/дышАдухАми и тумАнАмионАсАдится у окнА). И сразу же гобой сменяла нежная флейта, растворенная в «е» и «ю»: и вЕЮтдрЕвни-миповЕрьями/Её упругие шЕлка.

Для чуда нужно не так уж много – всего лишь иметь талант и чуткую душу.

И все же, когда речь заходит о Блоке, почему-то в первую очередь вспоминают не его филигранное творчество, а перипетии личной и общественной жизни. Чисто обывательская точка зрения из серии: «людей всегда будут интересовать три вещи: чужая смерть, чужая постель и чужие деньги». Это неприятная реальность. Можно презрительно игнорировать ее, соблюдая *ноблес оближ*, но, к сожалению, нервов она попортила немало.

**Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.
И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.**

Что погубило поэта? И можно ли было его спасти? Необъяснимые поступки, страстные романы, роковые заблуждения. Но Блоку многое можно простить за его стихи.

29 апреля 1906 года Блок встает в оконный проем знаменитой «башни Вячеслава Иванова» и читает свою «Незнакомку». На следующий день он просыпается знаменитым.

«Незнакомка» была настолько популярна, что ее мгновенно выучил почти весь Петербург. Более того, это единственное стихотворение, которое он никогда не правил. Оно было написано сразу и без помарок.

С этого момента слава не оставляет Блока. Его талант признают именитые литераторы того времени. Его преследовала целая армия восторженных поклонниц.

Сложно даже было представить, что произойдет с утонченным романтиком спустя 11 лет.

В мае 1917 года в Петропавловской крепости томились необычные арестанты, бывшие сановники империи.

Их допрашивали представители Чрезвычайной комиссии Временного правительства. И среди них худощавый молчаливый человек в военной форме. Весь его облик был необычен для такой компании. Поэт Александр Блок, кумир всей читающей России.

Он не просто присутствовал при снятии показаний. Он вел протоколы допросов. Работа состояла в литературном редактировании документов. Относился он к этому не казенно, а вполне серьезно и увлеченно.

Новая власть сводила счеты с представителями старой. Предшественник Блока на должности секретаря по этическим причинам отказался от этой работы. Блок, напротив, очень старался получить эту должность.

11 июня Блок напишет в дневнике про допрос бывшего премьер-министра страны Бориса Штюрмера. Напишет эмоционально и образно, как истинный поэт: *«Штюрмер – большая, тоскливая развалина. Все еще хитро и глупо воздевает на нос черепаховые очки. Рылся на полу в книжонках и все, дурачки заплетаясь языком, просил у меня еще книг».*

А вот письмо Блока к матери: *«Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважению. Но большей частью – какая это все страшная шваль».*

700 следственных дел. 88 допросов. На всех протоколах автограф Ал.Блока.

На фотографиях тех лет в глазах Блока нет уже мечтательной осенней задумчивости. Теперь это жесткий взгляд уверенного в своей цели человека. Куда подевался тот самый певец печальной любви и Прекрасной Дамы?

В Петербурге на Университетской набережной до сих пор сохранился дом матери Блока. Именно из его окон будущий поэт впервые взглянул на мир. Дворцовый мост, Адмиралтейство, Зимний дворец, Медный всадник, «в гранит одетая Нева» – все вбирала в себя чуткая душа маленького белокурого ангела, как называли его в детстве.

28 ноября 1880 года в семье Блоков родился долгожданный сын. Назвали его в честь отца – Александром. За полтора года до его рождения мать пережила трагедию: смерть первого ребенка. Юная, беззаботная хохотушка замкнулась в себе, болезненно переживая утрату. И только рождение следующего ребенка возвратило ей радость жизни. Но всю жизнь она будет трепетно оберегать и переживать за единственного выжившего ребенка. Она была очень нервной и чуткой, чувствовала буквально на расстоянии, что происходит с сыном, и до самой его смерти называла «деточкой». Чуткость и особую душевную ранимость Блок унаследовал от матери.

Отец, Александр Львович, юрист из Варшавы, был очень талантливым и неуравновешенным человеком. В ярости был неуправляемым и частенько поднимал руку на жену.

Через три месяца после рождения Саши родители разошлись. Но в маленьком сыне их соединились как светлые, так и темные черты родительских характеров. Талант, пылкость, неуправляемая страстность натуры достались Блоку от отца. И послужили причиной к духовному перерождению в 1917 году. Страстная и увлеченная натура, он искренне верил, что мир изменился и изменился к лучшему. Поэт – он облагораживал эти изменения в своем сознании. И готов был отдать все силы для нового лучшего мира.

Участие в работе Чрезвычайной комиссии Временного правительства стало крахом. От Блока отвернулись самые близкие друзья, была развернута настоящая травля. Ему, привыкшему к обожанию и славе, предстояло пройти через одно из самых страшных испытаний – одиночеством.

**Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.**

**«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» –
«Зачем? Среди бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»**

Ради обновления мира он готов пожертвовать самым дорогим. На разграбление любимой усадьбы «Шахматово» он реагирует внешне спокойно. Но один Бог ведает, что таилось за этим спокойствием... Ведь именно здесь в подмосковной усадьбе он впервые начал писать стихи. Здесь же в возрасте четырех лет Блок впервые встретил любовь всей своей жизни – трехлетнюю Любу Менделееву.

На объяснение в любви Блок решил только в 1902 году. Это был для него вопрос жизни и смерти. Несколько дней прошло в томительном ожидании. Наконец, 7 ноября 1902 согласие было получено.

Начало их семейной жизни было сложным и странным. Но об этом уже столько говорилось и писалось, что не хочется повторять. Все же не пикантными подробностями личной жизни должен быть памятен поэт, а творчеством. Одно можно сказать

определенно: Блок во вполне земной, здоровой, крепкой девушке увидел романтический образ Прекрасной Дамы и благоговейно воспел его. Каково при этом было самой Любви Дмитриевне, остается только предполагать... Во всяком случае, с ее стороны были довольно отчаянные попытки стать просто любимой женщиной, а не только Прекрасной Дамой.

Ангелов на земле нет, и никто не безгрешен. И у Блока и у его супруги были романы. И при этом между мужем и женой существовало некое внутреннее родство. Они знали об увлечениях друг друга. Более того, бурный роман с актрисой Волоховой, который Блок не скрывал от публики, жена приняла одобрительно. «Он поэт, и ему нужны увлечения», – писала она в дневнике.

В 1912 году Блок пишет знаменитое стихотворение, словно предвидевшее скорый слом эпохи. И начало апокалипсиса. Первую мировую войну он воспринял именно так.

**Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.**

**Умрёшь – начнёшь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.**

В 1916 году его призывают на фронт. Он служит в инженерных войсках. Шесть месяцев он проводит в окопах, под обстрелами и бомбежками. «Я физически обманчиво крепок, нравственно – расшатан. Надо быть внутренне свободным, чтобы заниматься своим делом».

О Февральской революции Блок узнал на фронте и уже в марте возвратился в Петербург. Ему казалось, что старый мир рухнул и грядет новый лучший мир.

«Вечером я бродил. Белая ночь, женщины. Мне уютно в этой мрачной одинокой бездне, имя которой Петербург семнадцатого года».

Все, кто его знал, отмечали в нем одну черту – непрактичность. Причем в рафинированной ее форме. Блок был, что называется, не житейским человеком. Он воспринял революцию как музыку и, очарованный неведомыми звуками, не сразу разглядел социальные последствия: и бюрократию, и мещанство в самых худших его проявлениях, и откровенную буржуазность. Все это породило новую литературу, вызвало к жизни рассказы Зощенко и романы Ильфа и Петрова, ибо с уродливым можно бороться только смехом. Но Блок – трагик, романтик, не был смехачом.

Он таскал на себе дрова, мама уходила торговать какими-то безделушками и вышивками, жена приносила домой скудный паек – мерзлую картошку и ржавую мелкую селедку. Еды катастрофически не хватало.

15 февраля 1918 года Блок впервые ощутил на себе власть революции. Он был арестован и доставлен в следственный изолятор ЧК. Его обвиняли в связях с эсерами. Это было серьезно, но благодаря заступничеству А.В.Луначарского поэта отпустили через два дня. Но этих двух дней Блоку было достаточно, чтобы понять: его вера в обновление – иллюзия. Именно тогда родилась горькая поэма «Двенадцать». Вовсе не революционная, а трагическая. Самое дорогое в жизни – это иллюзии. За них придется платить дороже всего.

Блок продолжает выступать со своими стихами. Но новой публике уже не нужны ни Незнакомка, ни Прекрасная Дама, ни нежный ирис Флоренции, ни Девочка из церковного хора. Они их просто не слышат.

25 апреля 1921 года. Последнее выступление Блока на публике. Заканчивается скандалом. Блока прерывает поэт Александр Струве. Начал кричать из зала на какое-то блоковское стихотворение: «Где здесь рифмы? Вы – мертвец, и поэзия ваша мертва».

Корней Чуковский так описывал этот злополучный вечер: *«Блок наклонился ко мне и сказал:*

– Это правда.

И хотя я не видел его, я всю спину почувствовал, что он улыбается.

– Он говорит правду: я умер».

С этого дня начался обратный отсчет. Все, что сияло, манило, обещало прекрасную новую жизнь, разбивалось в прах, превращалось в бесконечную бюрократическую ложь.

Он отстранился от всякого участия в работе и только молчал на заседаниях в литературных сообществах.

Начала стремительно развиваться болезнь. У него был наследственный невроз сердца, потом начались цинга, астма и в конечном мозге – рак мозга.

К июлю 1921 года стало ясно – Блок болен смертельно. Рядом неотступно были две главные женщины его жизни – мама и жена.

Он не хотел бороться с болезнью. Говорят, что его на начальном этапе ее можно было лечить. Но то ли устал сопротивляться организм, то ли из глубин поэтической пророческой души донесся приказ – «Хватит!»

Уходящему ведом его час. Можно много говорить о роковых дуэлях Пушкина и Лермонтова, о петле Есенина, выстреле Маяковского, винить во всем фатум, судьбу, обстоятельства. Но все главное и роковое в нас рождается в подсознании. И оттуда же в назначенный час раздастся тихий приказ – вступить на последнюю дорогу.

Блок в припадках безумия разбивал склянки с лекарствами, которые так тяжело было достать в послереволюционном Петрограде. Не желал возвращаться к разочаровавшей его действительности.

Его можно было спасти. Всего лишь отпустить на лечение за границу. За него ходатайствовали и Луначарский, и Горький. Просили для него об отпуске в Финляндию. Просьба была отклонена со ссылкой на то, что *«Блок – натура поэтическая. Произведет на него что-нибудь впечатление там, он и будет писать стихи против нас».*

Вместо отпуска за рубеж приняли решение об улучшении продовольственного положения поэта.

Ходатайства друзей не прекращались. Наконец, 6 августа 1921 года Блоку разрешили выезд за границу.

В 10.30 утра следующего дня поэта не стало.

Его провожали почти две тысячи человек. Огромная толпа. Всю дорогу от дома до Смоленского кладбища, почти 6 километров, люди несли гроб на руках. Это по сути были похороны Серебряного века. С уходом светлоглазого короля рассыпалось и его государство. После смерти Блока и расстрела Гумилева началась совсем другая эпоха. Не хуже, не лучше, просто другая.

Но, видно, и вправду, *«Letum non omnia finit»* – со смертью не все кончается. В 1944 г. решено было останки Блока перенести на Литераторские мостки. На Смоленском остался кенотаф с крестом, а на Литераторских воздвигли помпезный черный обелиск. Существует версия, о которой писал академик Д.Лихачев, что на Литераторские перенесен только череп поэта, а все остальное осталось на Смоленском. Так появилась легенда о «двух могилах Блока», причем на обеих всегда свежие цветы.

...Вот о чем напомнила мне задумчивая бакинская осень в тихом скверике Сабира. Шелестели на ветру янтарные листья чинар, шелестела страницами моя память, соединяя два любимых города – Баку и Санкт-Петербург:

**О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили,
И вечности вставали сны!..**

При написании эссе использованы материалы из книг: К.Чуковский "Современники", Полного собрания сочинений и писем А.Блока в 20 томах (2010 г.), строки из стихотворений Б.Ахмадулиной, Ф.Г.Лорки, О.Митяева и др. Автор приносит искреннюю благодарность за предоставленные материалы.

Литературный Азербайджан – 2–22. – №1–С.99–104